был инициирован социальный проект «Школа отцовства». Главным принципом, которого придерживаются участники – «Мужчины созданы быть отцами». Цель проекта – просветительская работа с отцами, повышение отцовского самосознания.

Следует отметить, что в республике, благодаря активной позиции белорусской православной церкви, внедряются новые виды общественных инициатив, которые находят большой отклик в работе с семьей. В частности, в 2007 г. создана Республиканская духовно-просветительская программа «Семья – Единение – Отечество», которая сегодня представляет не только социально-значимый проект, но и является примером нового типа партнерства – взаимодействия государства, Белорусской Православной Церкви и общественных организаций. Целью программы является содействие социальному развитию регионов, преодоление негативных тенденций в демографической ситуации. Задачи программы – возрождение национальных духовных традиций, духовно-нравственное воспитание молодежи; укрепление семьи, материнства, отцовства, детства. Важнейшей акцией программы стала общественная кампания «Вместе – в защиту жизни». К проведению акций были привлечены специалисты здравоохранения, органов правопорядка, образовательных учреждений и учреждений социальной сферы. На базе шести женских консультаций г. Минска в 2011 г. был проведен пилотный проект по преабортному консультированию женщин в ситуации кризисной беременности.

Таким образом, практики повседневности показывают, что в белорусском обществе предпринимаются значительные усилия по восстановлению утерянных традиционных ценностей семьи и брака, появляются новые инициативы, которые свидетельствуют о преодолении кризисной «точки» в демографической ситуации.

Литература:

1. Женщины и мужчины в Республике Беларусь. – Минск: М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 2010.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И САКРАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Я.Л. Коломинский, Е.Л. Малиновский, г. Минск, Беларусь

Совокупность учебной информации часто ставит под удар само человеческое участие в ней. Отсюда и психологическое представление о человеке так успешно обходится без него, как жена, которая мужа «слепила из того, что было», то есть из образовательных смыслов без самого образа творца. По известному прогнозу М. Фуко, «Взяв европейскую культуру с начала XVI века, – можно быть уверенным, что человек в ней изобретение недавнее, и конец его, быть может, недалёк.

Если эти диспозиции исчезнут, как они некогда появились, если какое-либо событие разрушит их, как разрушена была на исходе XVIII века почва классического мышления, тогда можно поручиться – человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [1]. Какова культура классического мышления? Что за диспозиции удерживают человека от исчезновения? Рациональный ответ на эти вопросы очевиден. В эпоху Просвещения разум человека измерялся триангуляцией: *cognition dei experimentalis* или мистическое «постижение Бога в опыте» Фомы Аквината, картезианский *Discourse la method* как психологическая рефлексия *cogito ergo sum* Рене Декарта, герменевтика или искусство толкования Фр. Шлейермахера в виде интерпретации и понимания Священных текстов как жизненной реальности. Если метафизические и религиозные понятия о Боге несколько не выражают Его сущности, то сама добродетель является нравственной силой, обуславливающей образование различных благ [2]. Триангуляция рационального познания, эмоционального опыта и религиозного поведения служила инструментом психологической культуры и нравственного благополучия человека. Этот человек и получил своё специфическое имя *homo sapiens*, которым Карл Линней выделил, а Георг Гегель затем возглавил высшую номенклатуру – «все действительное разумно, все разумное действительно». Соединив именем Иисуса духовное значение и культурные смыслы Гегель не ограничил жизнь законами диалектики, но исполнил её ценностью романтического отношения к женщине. После нормативно религиозного осмысления любви Мартином Лютером, Гегель стал исключительным философом супружеского счастья вопреки «повивальным правилам» Сократа, а свидетельством индивидуальности Духа он поставил оптимистическую точку в развитии классического мышления.

В течение девятнадцатого и двадцатого столетий картина существенно изменилась. Последующее неклассическое «многоточие» осмысления веры, надежды и любви основывается на элиминации их сакрального, вдохновенного значения. Попытку примирить веру и разум, надежду и тревогу, страдание и сущность как «чистую» духовность в абстракции семьи и брака не оставляли «целибаты от философии» и несостоявшиеся семьянины А. Шопенгауэр и С. Кьеркегор, Фр. Ницше и В. С. Соловьев, Фр. Кафка и М. Борхес. В своем стремлении «создать истину» без любви модернизм был лишен поддержки Бога: «Мы только одно из Его плохих настроений» (Фр. Кафка). И хотя Израиль все еще воспринимался как сакральная семья или община, пессимизм межличностных отношений уже исходил, с одной стороны, из романтической любви, обреченной на страдания телесного естества вне религиозного права. С другой стороны, межличностные отношения стали

позитивом атеизма. Оправдание эволюционной гипотезой и классовыми противоречиями давало человеку «право» рассматривать брак и межличностные отношения как «идеологическую надстройку» на материальном «базисе общественно-экономической формации». Так, гегелевский индивидуальный Дух стал «обреченным, – по К. Марксу, – звуковой материей слова», а сама жизнь стала стиснутым «способом существования белковых тел» (Ф. Энгельс). С третьей, собственно, психологической позиции, свободная творческая интерпретация священных текстов была реконструирована в критическую герменевтику, которая стремилась реабилитировать, по В. Дильтею, всемирный Дух исторических событий и внешних явлений путём *интроспекции* как личностного «вживания».

Таким образом, неклассическая наука в своем исходе от счастливого брака Гегеля с «жизнеутверждающим синтезом» элиминировала его диалектику любви противоположностей ради «метафизики переживания» одиноких художников, гениально неудачных в браке, зато признанных всем миром. Философия искусства, мотивированная поиском иррациональных начал, по типу взглядов старого холостяка Артура Шопенгауэра, лишает уже самой религиозной мотивации протестантских «рационалистов», этих «честных людей», но «плоских ребят» [3]. Однако, в начале XX века эклектика брачно-религиозной подоплеки в художественной интенции Дж. Джойса создает «не плоские» уникально интимные переплетения, на основе которых структурируется «религия текста» как самой по себе рожденной автономной реальности из «молчания девушки» [4]. При всей многоплановости эта реальность являет собой целостность, идентичную текстовому абсолюту, который, не входя в противоречие, не соотносится ни с кем. В этом отношении, роман Джойса «Улисс» предстаёт не только символом всего мира, но и наглядным пособием по овладению методом *потока сознания*, ассоциируемый психологами с именем У. Джеймса. Начало Израиля в шествии Авраама и Сарры и его завершение в XX веке парой еврея Блума и неверной ему жены Молли – есть воплощение межличностных отношений сакральной цивилизации. В романе 18 эпизодов, что не может обойтись без ассоциации опрометчивого пути «6+6+6», представленного в восемнадцатом стихе из тринадцатой главы Апокалипсиса [5]. Одиссея «в конце Любви» [4] представляет собой схему-интерьер Дублина. *Блуждание* (лат. *discurro*) Улисса по городу собственного тела локализует его «интерьер». При этом, *пляж* локализует мужской монолог, сопряженный с созерцанием «всеобщей» женщины – Молли-Пенелопы. В то же время *кровать* – место индукции женского монолога – от чистоты и красоты ложа с балдахинном, оборками до любовных сцен и беременности. Наконец, Вавилонская фантазмагория монологов в «один день как тысяча

лет» [5] Дублина благополучно завершается желанием беременности и брачной готовностью к диалогу: «да, я хочу, Да» [4]. Так из монолога *absit popen* (лат., *имя опустим*) возникает *сакрально* диалогичная цивилизация Любви, само имя которой дает выход из экзистенциального тупика.

Диалогическим обращением диспозиций постмодерна к цивилизации Любви были созданы условия для актуализации сакральных значений в психологической культуре. Образовательный парадокс как раз включает в себя теоретическую меру *всего* и конкретику персонажей как носителей абстракций. «Все, что распространяется на весь мир, несет противоречие» – смысл структурного психоанализа Ж. Лакан видит в «соотношении субъекта со всей системой символического – этой совершенно своеобразной, отграниченной от сфер реального и воображаемого областью, с которой человек постоянно имеет дело, и которая конституирует саму человеческую реальность» [6]. Поэтому «научить вести беседу «ни о чем», – по мнению В.М. Аллахвердова, – несомненно, более важная и продуктивная задача, чем беседу «на тему», в силу явной искусственности и практической неприменимости последней» [7]. Скромная поступь «слона» под лающий фон задорного «американоведа» проектирует переход от тематической индукции к сакральной дедукции. «Вначале было слово» [5] – вот «новая как хорошо забытая старая» диспозиция психологической культуры в тестировано замкнутом киберпространстве.

Литература:

1. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб. : А-сad, 1994.
2. Шлейермахер, Фр. Герменевтика / Фридрих Шлейермахер. – СПб.: «Европейский Дом». 2004.
3. Ялом, И.Д. Шопенгауэр как лекарство / Ирвин Дэвид Ялом. – М.: ЭКСМО, 2006.
4. Джойс, Дж. Улисс : роман / Джеймс Джойс – М.: Эксмо, 2010.
5. Священное Писание Ветхого и Нового Завета : Библия. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.
6. Лакан, Ж. О бессмыслице и структуре бога / Ж. Лакан // Московский психотерапевтический журнал : теоретико-аналитическое издание – январь-март 2002. – №1.
7. Аллахвердов, В.М. Легендарный А.М. Зимичев / В.М. Аллахвердов, А.И. Ватулин // Методология и история психологии. – Том 3. – Выпуск 2. – 2008.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

Т.В. Купчинова, г. Минск, Беларусь